

18+

КИРИЛЛ ЛЕДОВСКИЙ

АНТРОПОЛОГИЯ СМЕРТНОЙ КАЗНИ

ОТ ПОСЛЕДНЕГО СЛОВА
К ЭРЕ МИЛОСЕРДИЯ

Серия «Антропология современной личности»

Кирилл Ледовский

**Антропология смертной
казни. От последнего
слова к эре милосердия**

«Издательские решения»

Ледовский К.

Антропология смертной казни. От последнего слова к эре милосердия / К. Ледовский — «Издательские решения»,

«Антропология смертной казни. От последнего слова к эре милосердия» — исследование о том, как общество превращает необратимое решение в последовательность законных, привычных и почти безличных действий. Читатель проходит всю цепочку окончательного приговора и видит людей, между которыми распределены власть и ответственность. Автор исследует цену судебной ошибки, границу между приговором и исполнением, возможность помилования и тот момент, после которого исправление уже невозможно.

© Ледовский К.

© Издательские решения

Содержание

Об этой книге	6
Как читать сцены	7
Пролог. Трибуна	8
Часть I. Человек перед точкой	12
Глава 1. Последняя минута	13
Глава 2. Пять прекращений под одним словом	15
Глава 3. Цена необратимости	17
Часть II. Как смерть становится процедурой	19
Глава 4. До суда: жертва, враг, изгнанник	20
Глава 5. Голос суверена	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Антропология смертной казни. От последнего слова к эре милосердия

Кирилл Ледовский

© Кирилл Ледовский, 2026

ISBN 978-5-0070-9336-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Об этой книге

Большинство людей знает смертную казнь по очень короткой формуле, в которой почти нет пространства для вопроса: произошло тяжкое преступление, суд установил виновность, вынесен приговор, затем приговор исполнен. В этой последовательности всё кажется суровым, но понятным, потому что между решением и результатом будто бы нет ничего, кроме времени, необходимого государству для соблюдения установленного порядка. Однако именно внутри этого времени и находится предмет книги: документы переходят из рук в руки, люди сверяют имена и сроки, врачи выполняют свои обязанности, надзиратели открывают двери, родственники ждут звонка, а человек, чья жизнь должна прекратиться, продолжает искать среди живых лиц того, кто ещё способен вернуть событие из режима исполнения в режим решения.

Обычного гражданина почти нигде не учат видеть эту внутреннюю сторону наказания. Можно окончить школу, получить высшее образование, много лет интересоваться правом, историей и политикой, спорить о справедливости и преступлении, но так и не узнать, чем приговор отличается от исполнения, кто вправе остановить процедуру, что означает отсрочка, как действует помилование и почему исправление судебной ошибки имеет разную цену до смерти человека и после неё. Система открывает свои самые сложные правила главным образом тому, кто уже оказался внутри: осуждённому, его семье, адвокату, сотруднику учреждения, врачу или судье. Для остальных она долго остаётся закрытой дверью, а незнание принимается за простоту самого предмета.

Эта книга открывает дверь постепенно. Сначала читателю не придётся запоминать специальный язык или принимать готовую позицию автора; он окажется на трибуне древнего амфитеатра, затем войдёт в комнату последнего слова, услышит утренний звонок матери и увидит два конверта, которые отправлены с одинаково важными документами, но приходят с разницей в сорок восемь часов. Только после того, как различия станут человечески необходимыми, появятся их точные названия: приговор и исполнение, пересмотр и помилование, полномочие и ответственность, обратимость и необратимость.

Дальше круг будет расширяться, потому что способность разделять одно целое действие на множество локально правильных операций существует не только внутри смертной казни. Она проявляется в войне, пожизненной изоляции, изгнании, обращении с животными, цифровом исключении и разрушении среды. Эти явления не тождественны, у них разные правовые режимы, причины, субъекты и пределы допустимого сравнения, однако во всех случаях полезно удерживать один вопрос: кто видит результат целиком и кто ещё способен остановить действие прежде, чем исправление станет запоздалым признанием?

Книга не требует заранее согласиться с автором. Она ведёт читателя к развилке между двумя представлениями о справедливости. Первое доверяет бесстрастной системе, полагая, что законное решение должно быть исполнено точно и без вмешательства случайной эмоции. Второе предлагает движение к эре милосердия, где перед необратимым действием сохраняются время, пересмотр, человеческий голос и принятая ответственность за чужое продолжение. Выбор между ними нельзя честно сделать на первой странице. Сначала необходимо увидеть всю цепочку.

Составные сцены, культурно-исторические реконструкции и мысленные эксперименты обозначены в примечаниях и не выдаются за документальные свидетельства конкретных людей. Книга не является юридической консультацией и не заменяет изучение действующего права. Это популярное интеллектуальное исследование о человеке перед окончательным решением — и о зрителе, который однажды обнаруживает, что его место на трибуне тоже входит в устройство происходящего.

Как читать сцены

Эта книга соединяет документально-философскую публицистику, составные сцены, культурные отсылки и мысленные эксперименты. Их статус различается.

Составная сцена собирает типологически подтвержденные обстоятельства нескольких случаев, но не выдаётся за биографию конкретного человека. Автор не приписывает реальному осуждённому, судье, исполнителю, родственнику, работнику предприятия или спасителю слова, которых нет в источнике.

Культурная реконструкция создаёт правдоподобную сцену на основании подтвержденных типов ролей и действий, но не воспроизводит конкретное событие. Пролог о трибуне и гладиаторской милости является такой реконструкцией. Привычная схема «палец вверх — жизнь, вниз — смерть» не принимается как бесспорный исторический факт. Культурные отсылки к «браку под виселицей», спору об эре милосердия и кастанедовским эпизодам используются как модели вопроса, а не как доказательство факта.

Мысленный эксперимент проверяет границу понятия. Цифровая реплика, восстановление памяти, прогнозное наказание и глубокая модификация личности не описываются как уже доказанная или общедоступная практика.

Первое лицо животного или экосистемы является литературным способом вернуть внутреннюю сторону объекту обращения. Оно не означает, что животное мыслит человеческими правовыми категориями, лес обладает единым человеческим сознанием, а современная цифровая система доказанно переживает собственное отключение.

Правовые утверждения зависят от юрисдикции, редакции нормы и даты проверки. Книга не является юридической консультацией. Её задача — исследовать конструкции прекращения, ответственности, необратимости и остановки.

Пролог. Трибуна

Вы поднимаетесь по каменной лестнице вместе с другими зрителями, медленно, потому что проход узок и люди впереди то останавливаются, то снова начинают двигаться, увлекая за собой всю плотную человеческую массу. Сверху уже доносится гул амфитеатра — не отдельные крики, а огромное, почти телесное звучание, которое рождается сразу в тысячах глоток, ударяется о каменные ярусы и возвращается обратно, становясь громче, чем каждый из тех, кто его создаёт.

На ступенях пахнет нагретой пылью, потом, маслом и вином, которое несут в небольших сосудах. Кто-то спорит о бойце, выступавшем утром, кто-то смеётся, пересказывая особенно удачный удар, а человек позади вас недовольно требует двигаться быстрее, потому что следующий бой уже начинается и хорошие места могут занять.

Когда вы наконец выходите из полутёмного прохода к своему ряду, свет обрушивается неожиданно. Несколько мгновений приходится щуриться, прежде чем из белого сияния проступают противоположные трибуны, высокие стены, навесы над почётными местами и далёкий песчаный круг внизу. Отсюда арена кажется небольшой, почти аккуратной, словно всё происходящее на ней заранее вписано в правильную геометрическую форму и потому не способно выйти за её пределы.

Вы устраиваетесь между пожилым торговцем, который всё время комментирует происходящее, и мальчиком лет двенадцати, пришедшим со своим отцом. Мальчику мешают взрослые, и он то привстаёт, то вытягивает шею, стараясь увидеть бойцов. Отец время от времени придерживает его за плечо, чтобы он не потерял равновесие, но сам смотрит вниз не менее напряжённо.

Вы пришли сюда смотреть..

Вас не спрашивали, готовы ли вы решать чью-нибудь судьбу. Вы не знаете бойцов лично, не участвовали в их подготовке, не выбирали им оружие и не устанавливали правила. Ваше место находится высоко над песком, и сама высота как будто освобождает от происходящего: там, внизу, люди дерутся, а здесь, наверху, зрители спорят, смеются, делают ставки, вспоминают прежние выступления и ждут, чем всё закончится.

На арену выходят двое.

Сначала вы различаете только блеск металла и движение, потому что лица с такого расстояния почти исчезают. Один боец кажется тяжелее и осторожнее, второй движется быстрее, часто меняет направление и заставляет противника поворачиваться следом. Торговец рядом одобрительно хмыкает, когда быстрый боец уходит от удара, а мальчик неожиданно вскрикивает и тут же закрывает рот ладонью, словно испугался собственного голоса.

Постепенно шум трибун начинает подчиняться бою. Когда противники расходятся, люди затихают; когда сходятся снова, гул поднимается. Тысячи зрителей, не договариваясь между собой, начинают дышать почти одновременно, и даже вы замечаете, что задерживаете вдох в те мгновения, когда оружие проходит особенно близко от тела.

Это длится дольше, чем ожидалось. Бойцы устают, движения становятся тяжелее, песок прилипает к ногам, а защита уже не возвращается на прежнее место так быстро, как вначале. Человек, на которого торговец поставил деньги, пропускает удар, отступает, пытается удержаться, но опускается на одно колено. Его оружие падает рядом.

Толпа взрывается.

Победитель подходит ближе, однако не наносит последнего удара. Он стоит над побеждённым и ждёт, потому что теперь бой перестал принадлежать только двум людям на арене. Поражение уже произошло, но смерть ещё не наступила, и между этими двумя событиями возникло пространство, которое нельзя увидеть глазами, хотя его чувствуют все.

Побеждённый поднимает голову..

Его лицо отсюда почти неразличимо, но по движению тела понятно, что он обращается не к противнику. Он обращается к тем, кто сидит вокруг арены, к устроителю игр, к людям на почётных местах, к шумящей массе, внутри которой находитесь и вы. Спустя столетия художники, писатели и режиссёры будут по-разному изображать жест, которым гладиатор просил сохранить ему жизнь. Кто-то сведёт всю сцену к движению большого пальца, кто-то придаст этому жесту значение, которого он, возможно, никогда не имел. Но сейчас важен не палец.

Важна просьба.

Она имеет направление. Побеждённый понимает, к кому обращается, а присутствующие понимают, что обращаются к ним.

Сначала отдельные голоса теряются в общем шуме. С правой стороны требуют закончить бой, с нижних рядов отвечают свистом, где-то хлопают в ладони, а кто-то выкрикивает имя побеждённого, будто напоминая устроителю, что этот человек уже известен публике и ещё может пригодиться для следующих игр. Толпа не выносит общего решения и не превращается в единое разумное существо. В ней смешаны азарт, жалость, раздражение, расчёт, восхищение стойкостью и простая жажда увидеть продолжение.

Торговец рядом с вами требует смерти. Он говорит, что проигравший сам знал, на что шёл, что слабость не должна получать награду и что публика пришла не для того, чтобы смотреть, как побеждённых уводят с арены. Мальчик, наоборот, неожиданно начинает просить, чтобы бойца оставили в живых, причём просит не устроителя игр и не отца, а как будто всех вокруг сразу. Его голос тонок и почти не слышен, но отец поддерживает его, затем к ним присоединяется женщина через несколько мест, а потом ещё кто-то в нижнем ряду.

Вы ещё ничего не сказали.

Вам кажется, что ваш голос ничего не изменит, потому что вокруг кричат тысячи. Один человек не способен перекрыть амфитеатр, и никто не станет выяснять, чего именно хотели вы. Можно промолчать, можно поддержать торговца, можно повторить за мальчиком — в любом случае через несколько минут бой закончится, а вы останетесь тем же человеком, которым пришли сюда утром.

Но молчание тоже оказывается выбором, хотя и самым удобным из возможных, потому что его не приходится объяснять даже самому себе.

Устроитель игр сидит там, где его хорошо видят и арена, и почётные ряды. Он не обязан подчиниться первому выкрику и не складывает голоса так, как позднее будут складывать голоса присяжных. Он смотрит на бойца, на победителя, на публику, возможно, вспоминает цену обучения, популярность гладиатора, настроение дня и то впечатление, которое произведёт его решение. В этом мгновении соединяются власть, расчёт и милость, причём заранее невозможно сказать, какая из них окажется сильнее.

Победитель продолжает ждать. Его оружие остаётся в руке, но право завершить действие принадлежит уже не только ему. Побеждённый держится на колене, тяжело дышит и, вероятно, понимает о толпе больше, чем каждый отдельный зритель понимает о себе: для него все голоса сверху складываются в одно обстоятельство, от которого зависит, увидит ли он следующий день.

Вы смотрите на него и впервые замечаете, что он не похож на фигуру, какой казался во время боя. Пока он двигался, отступал и наносил удары, его можно было воспринимать как часть представления, как умение, силу, ошибку, красивый выпад. Теперь движение остановилось, и на песке снова появился человек.

Торговец повышает голос.

Мальчик почти плачет.

И тогда вы присоединяетесь к тем, кто просит сохранить побеждённому жизнь.

Ваш крик не становится главным. Устроитель, возможно, вообще не слышит именно вас, не отличает вашего голоса от сотен других и никогда не узнает, почему вы изменили решение, если действительно изменили его. Но вы внезапно чувствуете, как исчезает прежнее удобство: ещё минуту назад можно было считать, что всё происходит внизу, без вашего участия, теперь же собственный голос связал вас с исходом.

Устроитель поднимает руку.

По трибунам проходит движение, как ветер по высокой траве: люди наклоняются вперёд, вскакивают, пытаются раньше других понять значение знака. Победитель смотрит в сторону почётных мест, затем опускает оружие и отступает.

Несколько слугителей выходят на арену. Они поднимают побеждённого, поддерживают его под руки и ведут к проходу, из которого он появился. Он идёт тяжело, оставляя на песке неровные следы, но идёт сам.

Его сохранили.

Мальчик рядом ликует так, будто спасение произошло благодаря ему одному. Отец улыбается и снова усаживает его на место. Торговец недовольно качает головой, говорит, что устроитель слишком мягок и что публика когда-нибудь перестанет уважать игры, если слабых начнут жалеть. Через несколько минут спор стихает, потому что на арену уже выводят следующую пару и внимание амфитеатра, только что удерживавшее одну человеческую жизнь, переключается на новое зрелище.

Спасённый исчезает в тёмном проходе.

Вы больше его не увидите.

Возможно, он вернётся на арену и погибнет в другой день. Возможно, его раны окажутся слишком тяжёлыми. Возможно, милость была вызвана не состраданием, а хозяйственным расчётом, потому что опытный боец стоил дорого и ещё мог приносить доход. Нельзя превращать произошедшее в красивую легенду о гуманности древнего мира. Система остаётся жестокой: человек вынужден просить жизнь у тех, кто пришёл развлекаться опасностью его смерти, а сохранение зависит от настроения толпы и решения того, кто устроил зрелище.

И всё же в этой жестокой системе существовало нечто, что позднее почти исчезнет.

У последней просьбы был видимый адрес.

Побеждённый знал, кому показывает, что хочет жить. Победитель знал, чьего знака ждёт. Толпа понимала, что её отношение имеет значение, пусть не было ни равным голосованием, ни правом на помилование. Устроитель не мог полностью спрятаться за ходом событий, потому что наступал момент, когда именно он должен был разрешить смерть или остановить её.

Результат имел лицо.

Государство позднейших эпох будет долго уходить от подобного устройства, и в этом движении окажется много необходимого. Человеческая жизнь не должна зависеть от того, насколько громко кричит толпа, понравился ли публике осуждённый и расположен ли сегодня к милости человек, занимающий почётное место. Правосудие потребует доказательств, установленных правил, возможности защиты и решения, которое нельзя менять из-за внезапного возбуждения зрителей. Казнь, если государство её сохраняет, постепенно перестанет быть праздником и уйдёт за стены, потому что превращать чужую смерть в развлечение само по себе унижает человека.

Однако вместе со зрелищем исчезнет не только толпа.

Исчезнет понятный путь последней просьбы.

• • •

Современный осуждённый может находиться в комнате, где присутствуют люди, способные услышать его голос, увидеть его страх и даже испытывать жалость. Один проверит

документы, другой подтвердит личность, третий проследит за порядком, четвёртый выполнит медицинскую обязанность. Каждый будет знать свою часть работы, и никто из них, возможно, не будет желать человеку смерти лично.

Но просьба уже не обязательно сможет изменить действие.

Она прозвучит, будет выслушана, записана и останется внутри процедуры, которая предусмотрела последнее слово, но не обязана возвращать решение в открытое состояние. Человек может обратиться к семи живым лицам и всё же обнаружить, что ни одно из них не является тем адресом, который он ищет.

На римской арене милость была случайной, несправедливой и зависимой от настроения. В современной системе решение может быть законным, тщательно проверенным и бесстрастным. Между этими устройствами лежит огромная история права, и было бы ошибкой просто объявить одно из них человечнее другого.

Но вопрос остаётся.

Что происходит с человеческой ответственностью, когда решение разделено между множеством людей так точно, что никто больше не видит себя автором результата целиком?

Обычный гражданин находится ещё дальше от происходящего. Он не сидит перед ареной и не слышит дыхания человека, ожидающего знака. Он узнаёт о преступлении из новостей, видит фотографию жертвы, несколько минут судебной съёмки, заголовок, пересказ обвинения и спор людей, которые тоже не присутствовали ни при преступлении, ни при исполнении наказания. Он может написать, что виновный не заслуживает жизни, поддержать политика, обещающего суровость, поставить знак одобрения под призывом к казни — а затем закрыть страницу и перейти к следующему сообщению.

Коридоры, документы, последние часы, врач, надзиратель и исполнитель останутся за закрытой дверью.

Зритель больше не видит тела. Исполнитель не слышит зрителя. Судья не присутствует при исполнении. Каждый находится на своём месте, и именно поэтому завершённое действие начинает казаться безличным, словно оно возникло из самой системы, а не было последовательно создано человеческими решениями.

Эта книга начинается с трибуны не для того, чтобы обвинить зрителя раньше, чем он успел понять происходящее. Почти каждый из нас входит в тему смертной казни именно так — со стороны, из безопасного места, где легко рассуждать о преступнике, законе, справедливости и возмездии, потому что между словом и телом лежат стены, расстояние и работа других людей.

Мы ещё не знаем, какое решение примем в конце. Возможно, вы сохраните убеждение, что некоторые преступления требуют окончательной кары и что бесстрастная система лучше случайной милости. Возможно, придёте к выводу, что никакая точность не делает необратимость приемлемой. Сейчас от вас не требуется выбирать.

Нужно лишь спуститься с трибуны.

Сначала мы войдём в комнату, где человеку разрешают произнести последнее слово, и попробуем понять, почему он продолжает искать возможность остановки среди людей, которые уже не принимают решения. Затем пройдем по коридорам, кабинетам, архивам и техническим цепочкам, увидим, как одно целое действие разделяется на множество правильных операций, и постепенно научимся различать то, чему нас почти никогда не учили: где заканчивается приговор, где начинается исполнение, кто ещё способен остановить происходящее и почему личная доброта иногда оказывается бессильной, если для неё не оставлено никакого входа.

Сложные слова появятся позже, когда без них уже нельзя будет обойтись. Сначала останутся человек, просьба и зритель, который считал, что просто смотрит.

В конце книги мы вернёмся на эту трибуну.

И тогда знак придётся подавать уже нам.

Часть I. Человек перед точкой

Прежде чем рассматривать историю наказаний, устройство государства и длинные цепочки полномочий, останемся рядом с одним человеком и одним ещё не завершённым решением. Здесь почти невозможно спрятаться за статистикой, теорией или расстоянием: есть голос, бумага, несколько живых лиц и тело, которое понимает окончательность раньше, чем разум успевает назвать её точным словом.

В первой части понадобятся только три различия. Приговор — это решение суда; исполнение — действие, превращающее решение в телесный факт; между ними существует время, и пока оно не закончилось, новая проверка, ошибка, отсрочка или помилование способны изменить исход. Этого достаточно, чтобы войти в предмет без специальной подготовки. Остальные понятия появятся тогда, когда читатель сам почувствует, почему без них невозможно двигаться дальше.

Глава 1. Последняя минута

Мне сказали, что я могу говорить, и человек за столом произнёс это так буднично, словно речь шла о последней строке в формуляре, которую необходимо заполнить прежде, чем перейти к следующему пункту порядка. Он не сказал, что я должен говорить, не напомнил о праве на последнее слово и не предложил подумать, всё ли мне известно. Он просто посмотрел поверх очков и, выдержав небольшую паузу, назвал то, что мне теперь предоставлялось:

— Последнее слово.

В комнате находилось семь человек. Один стоял у двери, двое сидели за столом, врач держался немного в стороне, как будто его работа ещё не началась, а женщина с папкой смотрела на лист, где уже были напечатаны моя фамилия, номер дела и несколько строк, оставленных пустыми для того, что я успею сказать. Остальных я не знал и не мог определить, зачем именно они присутствуют, однако в последнюю минуту должности теряют точные очертания: перед тобой находятся не функции, а люди, и надежда немедленно начинает наделять каждого властью, которой у него, возможно, никогда не было.

Перед ним семь живых лиц. Надежда ещё не знает, что их полномочия различны.

Если эти семь человек сейчас встанут и скажут «нет», думал я, меня не убьют.

Так мыслит надежда, когда времени почти не осталось. Она не читает инструкций, не различает полномочия и не знает, кто вправе приостановить исполнение, а кто обязан только присутствовать и фиксировать происходящее. Ей достаточно видеть живые лица. Пока перед тобой люди, кажется, что решение всё ещё находится в человеческом мире и потому способно измениться, если хотя бы один из них не выдержит, позвонит, возразит, закроет папку, потребует врача или просто откажется сделать следующий шаг.

Всю ночь я готовил речь. Сначала хотел говорить о человеке, которого убил, потом — о годах, проведённых в ожидании, затем решил назвать имена тех, перед кем виноват, и объяснить, что раскаяние не делает меня невиновным, но всё-таки меняет того, кто теперь стоит перед ними. К утру речь распалась: она оказалась слишком длинной для нескольких последних минут и слишком короткой для всей жизни, в которой один поступок уже давно стал единственным словом, употребляемым рядом с моим именем.

На полу у стены оставалась кружка с водой. Я не допил её вечером и теперь вспоминал об этом почти с суеверной серьёзностью, будто незавершённое действие могло удержать мир от завершения: пока в кружке есть вода, можно попросить вернуться, допить, поставить её на место, и жизнь ещё не имеет права считать себя законченной. Разумеется, я понимал нелепость этой мысли, но тело не обязано быть разумным, когда ищет продолжение.

Я начал говорить и уже после первых слов услышал, что голос не слушается. Пришлось повторить имя убитого, потому что в первый раз оно прозвучало слишком тихо. Я сказал, что помню его, что не прошу забыть его смерть и понимаю, насколько удобно говорить о собственном изменении человеку, который хочет жить. Даже раскаяние перед казнью заражено просьбой о спасении; как бы честно ты ни пытался признать чужую утрату, в самом центре речи всё равно остаётся твоё дыхание, которое просит не прекращаться.

Несколько раз я сбивался и один раз попросил воды. Мне дали стакан, и пока я пил, я смотрел на присутствующих, стараясь не позволить им превратиться в общую стену. Человек у двери, женщина с бумагой, врач, мужчина, читавший порядок, ещё двое, чьих задач я не понимал, — кто-то из них обязательно должен был дрогнуть, не обязательно расплакаться или произнести большую речь, а сделать совсем небольшое движение, которое вернуло бы событие назад: рука потянется к телефону, врач скажет, что состояние не позволяет продолжать, сотрудник выйдет за начальником, женщина перестанет записывать и закроет папку.

Ничего не происходило.

Меня слушали внимательно, и эта внимательность оказалась тяжелее равнодушия. Равнодушного человека ещё можно попытаться разбудить, напомнить ему, что перед ним живое существо; внимательный уже сделал всё, что от него требовалось: он услышал, понял слова и не нарушил порядок.

Я сказал, что не знаю, кем стал за годы ожидания и имеет ли это значение для тех, кто считает приговор истощенным решением. Потом посмотрел на женщину с папкой; она подняла глаза, и в них не было ни злости, ни удовольствия, ни желания поскорее закончить. Это почему-то вернуло надежду, хотя теперь я уже понимал, насколько она нелогична. Доброта на лице казалась входом, даже если в устройстве процедуры никакого входа для неё не существовало.

Я закончил словами, которых не готовил:

— Я всё ещё здесь.

Женщина записала фразу. Человек за столом спросил, всё ли я сказал, и, когда я кивнул, посмотрел на часы.

В этот момент я понял то, чего не мог понять ночью: последнее слово дали не потому, что решение оставалось открытым, а потому, что закрытое решение уже не боялось моего голоса.

Эта сцена составная. Она не воспроизводит последние минуты конкретного осуждённого и не приписывает реальному человеку выдуманную речь. Её устройство опирается на более общий человеческий опыт: пока действие не завершено, сознание продолжает искать возможность отмены, даже если все предусмотренные законом пути уже истощены.

Именно поэтому последняя минута отличается от последнего часа не только количеством времени. Когда остаётся несколько часов, надежда ещё может представлять новый документ, звонок адвоката, решение суда, помилование или найденное доказательство; когда остаются минуты, все возможности стягиваются к нескольким людям и движениям. Чем меньше времени, тем больше значение каждого сбоя, паузы, взгляда и жеста. Человек способен надеяться на неисправность, внезапный звонок, приступ, ошибку в документе, чужую жалость или человеческую слабость — не потому, что считает это вероятным, а потому, что живое существо до самого конца различает два состояния: ещё происходит и уже произошло.

Здесь возникает первое, пока ещё простое противоречие книги. Человек видит перед собой людей и обращается к ним как к людям, поскольку не знает точных границ их власти и верит, что человеческое чувство способно превратиться в действие. Система видит иначе: у каждого присутствующего есть задача, врач проверяет то, что относится к его работе, сотрудник подтверждает личность, другой следит за порядком, женщина записывает слова. Сочувствие может возникнуть у любого из них, но само по себе оно ещё не является правом изменить приговор.

Это не означает, что каждый должен иметь возможность произвольно остановить законное решение. Право создаёт ограничения именно затем, чтобы судьба человека не зависела от настроения отдельного исполнителя, страха свидетеля или внезапной жалости. Но если в последнюю минуту уже не существует никого, кто способен не только услышать, но и вернуть действие к решению, последнее слово превращается в человеческую речь перед закрытой дверью.

Во второй главе нам придётся понять, что именно может быть возвращено и что скрывается за привычной фразой «казнь отменена». Оказывается, одно слово способно назвать несколько совершенно разных событий, и незнание этих различий особенно больно тому, кто ждёт утреннего звонка.

Глава 2. Пять прекращений под одним словом

Телефон зазвонил около шести утра, в тот час, когда дом ещё сохраняет ночную неподвижность, а любой звук кажется слишком громким. Мать не спала. Уже несколько месяцев она просыпалась раньше будильника и прислушивалась к стенам, словно известие могло прийти не по проводу, а пройти сквозь весь дом, прежде чем аппарат на тумбочке начнёт звонить.

Она сняла трубку сразу, но мужской голос всё равно успел назвать её фамилию и уточнить, правильно ли он дозвонился. Потом, не меняя ровного служебного тона, произнёс:

— Исполнение отложено.

Несколько секунд она не понимала смысла, хотя каждое слово было знакомым. «Исполнение» звучало как то, что должно было произойти с сыном, а «отложено» — как утро, которое вдруг отодвинули от края. Она села на кровати и спросила:

— На сколько?

— До отдельного распоряжения.

— Значит, отменили?

На другом конце возникла короткая пауза, в которой мужчина, вероятно, подбирал не более понятное объяснение, а наиболее точную формулу.

— Нет. Исполнение отложено.

Слово «отложено» звучало почти как «оставили жить», но голос не мог этого подтвердить. Тогда она спросила, остаётся ли приговор, и услышала: да. После этого возник вопрос, на который нельзя было ответить одной служебной строкой:

— Тогда что произошло?

Мужчина повторил официальную фразу. Его задача состояла в уведомлении, а не в том, чтобы провести для неё урок права и объяснить, какая часть огромного механизма остановилась, а какая продолжает существовать. Когда звонок закончился, мать включила свет, взяла лист бумаги и записала два предложения, чтобы не потерять смысл в нахлынувшем облегчении:

«Сегодня его не казнят».

«Приговор не отменён».

Оба предложения были правдой, и именно их совместная правдивость делает язык окончательного наказания таким трудным для человека, который никогда этому языку не учился.

Чтобы не утонуть в специальных словах, разберём не термины, а пять обычных вопросов. Их не нужно запоминать как экзаменационный билет; достаточно каждый раз понимать, на какой именно вопрос отвечает официальная фраза.

Первый вопрос касается самого решения суда. Если смертный приговор отменён или заменён другим наказанием, изменилось то, что постановил суд. Человек может остаться в заключении, получить пожизненный срок или оказаться участником нового разбирательства, но прежнего судебного решения в прежнем виде уже нет.

Второй вопрос относится к действию: будут ли исполнять решение сейчас? Исполнение можно приостановить или отложить, оставив приговор в силе. Для семьи это огромная перемена, потому что человек жив сегодня и появляется ещё одно утро; для права это не обязательно означает окончательную отмену меры.

Третий вопрос шире одного дела: существует ли в стране сама возможность такой кары? Государство может сохранять смертную казнь в законе, но много лет её не применять; может ввести мораторий, изменить практику или полностью удалить эту меру из системы наказаний.

Отложенное исполнение конкретного приговора и исчезновение института — не одно событие, хотя в обычной речи оба могут быть названы словом «отмена».

Четвёртый вопрос звучит так: кем теперь считается человек по закону? После помилования, замены наказания или нового решения суда меняется его правовое положение. Проще говоря, закон начинает обращаться с ним иначе: не как с человеком, ожидающим исполнения смертного приговора, а как с пожизненно осуждённым, освобождённым или участником нового разбирательства. Это и есть изменение правового статуса, но точное слово здесь нужно только после понятного смысла.

Наконец, пятый вопрос касается пути назад к решению. Иногда человек жив, однако все способы пересмотра исчерпаны и исполнение лишь перенесено; иногда, напротив, появилась новая экспертиза, жалоба принята, комиссия рассматривает помилование или суд согласился заново исследовать доказательства. Возможность пересмотра не гарантирует спасения, но она сохраняет открытую дверь, через которую решение ещё может быть проверено.

Теперь вернёмся к утреннему звонку. Приговор остался в силе, исполнение было отложено, сама смертная казнь в правовой системе не исчезла, а положение человека не изменилось окончательно. Однако появилось время, и вместе с ним возникла возможность нового решения. Одно слово не изменило всё, но изменило главное на это утро: человек остался жив.

Именно поэтому люди способны яростно спорить о смертной казни, имея в виду разные вещи. Один говорит, что она отменена, потому что её много лет не исполняют; другой возражает, что она продолжает существовать, поскольку норма или приговор формально сохранены; третий думает о судьбе конкретного человека, а четвёртый — о законе страны. Все употребляют одно слово, но смотрят на разные части устройства.

Эта путаница опасна не только для специалистов. Она делает обычного человека беззащитным перед официальной фразой: семья слышит «приостановлено» и принимает это за спасение, общество слышит «мораторий» и считает вопрос закрытым навсегда, политик обещает «вернуть казнь», хотя часть механизма могла никогда полностью не исчезать. Поэтому до конца книги нам понадобится одна простая привычка: услышав слово «прекращено», спрашивать, что именно прекратилось — решение, действие, сам порядок наказания, положение человека или возможность пересмотра.

Пять вопросов не делают тему сложнее. Они защищают от ложной простоты.

В следующей главе станет видно, почему различие связано не только с точностью слов, но и со временем. Иногда два одинаково важных исправления приходят в разные дни и потому создают противоположные результаты.

Глава 3. Цена необратимости

Два конверта вышли из здания комиссии в пятницу вечером, когда сотрудники уже собирали бумаги со столов, закрывали шкафы и поглядывали на часы, думая о выходных. В первом лежало уведомление о приостановлении исполнения, во втором — запрос материалов для пересмотра сходного дела. Оба документа были составлены правильно, оба имели подписи и отметки о срочности, однако отправили их разными маршрутами: один доставили в субботу утром, другой оказался в учреждении только в понедельник.

Между ними находились сорок восемь часов.

Синяя папка

Меня разбудили после отбоя, и когда в замке повернулся ключ, я решил, что пришли за мной. Несколько секунд не мог подняться, потому что тело уже приняло звук двери за начало последней последовательности, хотя разум ещё пытался вспомнить, почему время не совпадает с тем, которого я боялся. Сотрудник вошёл, попросил встать и сказал, что исполнение приостановлено.

Я переспросил, на какой срок. Он ответил, что не знает, и, вероятно, действительно не знал ничего, кроме текста, который должен был сообщить. Слово не открыло камеру: свет остался прежним, дверь снова закрылась, за стеной кашлял сосед, а на столе лежали те же вещи. Однако в мир вернулась развилка. Ещё минуту назад каждый звук мог быть последним; теперь хотя бы один человек где-то снова должен был думать и принимать решение.

Через несколько месяцев прежнее заключение эксперта признали недостаточным. Суд отменил смертный приговор и направил дело на новое рассмотрение. Я не вышел на свободу и не получил обратно годы, проведённые в ожидании, но остался жив, а значит, новое знание всё-таки достигло того, ради кого оно имело значение.

Серая папка

В понедельник утром сотрудник канцелярии увидел на конверте отметку «срочно», зарегистрировал письмо и понёс его руководителю, не предполагая, что несколько часов назад срочность уже потеряла практический смысл. Руководитель прочитал первую страницу, затем вторую, уточнил время исполнения и, услышав ответ, посмотрел на часы, хотя часы больше ничего не меняли.

Документы были составлены правильно. Новые сомнения действительно требовали проверки, выводы эксперта нуждались в повторной оценке, а процедура позволяла поставить вопросы, которые могли изменить решение. В бумагах не было ничего бессмысленного или бесполезного; они просто пришли после того, как человек уже не мог вернуться в состояние ожидания.

Папку передали в архив.

• • •

Представим две ошибки одинаковой тяжести. В первом деле ошибку обнаруживают до исполнения: решение можно проверить, отменить или заменить, и хотя человек уже потерял свободу, годы и здоровье, у него остаётся возможность получить хотя бы часть будущего. Во втором деле ту же ошибку находят после исполнения: суд способен признать нарушение, государство может извиниться, выплатить компенсацию семье, изменить правила, наказать виновных сотрудников и исправить записи, но одно действие остаётся недоступным — вернуть человека в тот момент, когда новое знание ещё могло ему помочь.

Это и есть необратимость. Простыми словами, речь идёт о результате, который нельзя отменить тем же способом, каким отменяют решение. Судебный акт можно переписать, запись

в реестре исправить, закон изменить, однако жизнь после исполнения смертного приговора не восстанавливается административной или судебной операцией.

Поэтому время имеет разную цену до и после окончательного действия. До исполнения один день способен открыть пересмотр; после исполнения тот же день становится датой, когда общество узнало, что опоздало. Содержание документа не изменилось, но изменился мир, в который он пришёл.

Сторонник смертной казни вправе сказать, что любая система ошибается, а некоторые преступления требуют предельного ответа; противник возразит, что именно неизбежность ошибок делает необратимое наказание недопустимым. Этот спор важен, однако сейчас нам не нужно завершать его. Достаточно увидеть асимметрию: если государство сохраняет человеку жизнь и позднее выясняется, что он опаснее, чем считалось, меру можно ужесточить в пределах закона, усилить охрану и ограничить возможность освобождения; если государство убивает человека и позднее узнаёт, что решение было ошибочным, исправление уже не достигает того, ради кого оно началось.

Необратимость сама по себе не доказывает, что смертная казнь всегда недопустима. Она поднимает требование к системе: чем окончательнее результат, тем меньше права на поспешность, неясность и закрытую процедуру. Однако даже самая тщательная процедура состоит из людей и шагов. Кто-то собирает доказательства, кто-то обвиняет, кто-то судит, кто-то подписывает, кто-то исполняет, и в каждой точке может появиться ошибка или возможность остановки.

Дальше мы отойдём от последней минуты и посмотрим, как смерть вообще становится государственным действием. Для этого придётся увидеть путь, на котором частная месть, публичное зрелище и приказ суверена постепенно превращаются в процедуру, где каждый участник отвечает за свою часть и всё труднее найти человека, отвечающего за целое.

Часть II. Как смерть становится процедурой

В первой части мы различили решение, действие и время между ними. Теперь придётся отойти от последней минуты и посмотреть, каким образом общество вообще научилось превращать предельное насилие в установленный порядок, где смерть уже не выглядит вспышкой личной ярости, а проходит через слова, документы, роли и проверки.

Начнём не с закона, а с более древнего человеческого движения: назвать кого-то жертвой, врагом или изгнанником и тем самым изменить то, что разрешено делать по отношению к нему. Затем увидим, как воля правителя приобретает форму документа, а документ связывает власть с телом. После этого соберём в одной точке судью, исполнителя, врача и зрителя, чтобы впервые назвать проблему распределённой ответственности, а затем войдём в комнату, где казнь уже не применяется, но всё ещё сохраняет возможность возвращения.

Понятий станет больше, однако ни одно из них не появится раньше сцены, которая объяснит, зачем оно нужно.

Глава 4. До суда: жертва, враг, изгнанник

Я стоял у края поселения и видел дым от собственного дома. Ещё вчера этот дым означал, что внутри разжигают очаг и готовят вечернюю еду; сегодня он поднимался над крышей дома, в который мне больше нельзя было войти, и потому казался знаком чужой жизни, продолжавшейся без меня.

За спиной начиналась дорога. Впереди оставались люди, с которыми я вырос, работал, спорил, праздновал рождения детей и хоронил родителей. Никто не ударил меня, не связал и не столкнул с обрыва. Старейшина произнёс решение, двое молодых мужчин проводили меня до камня, за которым заканчивалась земля общины, и на этом всё было закончено так спокойно, что я ещё долго не мог понять: наказание уже совершилось.

Они не смотрели мне в глаза.

Изгнание сохраняет тело и отнимает мир, внутри которого тело умеет жить. Человек уходит на своих ногах, однако по другую сторону границы остаются язык, очаг, обмен, защита, привычные дороги и право попросить помощи. В древней общине подобное решение могло стать медленной смертью без палача, потому что отдельный человек оказывался перед холодом, голодом, нападением и болезнью без сети, которая прежде удерживала его в жизни.

Перенесёмся в другую сцену. На площади лежит убитый, родственники требуют ответа, и ещё никто не знает слов «уголовное дело», «подсудность» или «допустимое доказательство». Люди знают имя того, кого считают виновным, знают род, к которому он принадлежит, и помнят старую обиду, которая теперь начинает казаться частью нынешнего преступления. Пока нет суда, община уже разделилась: один человек стал жертвой, другой — врагом, а третий, пытающийся остановить месть, рискует сам оказаться предателем.

В третьей сцене городские ворота закрываются перед человеком, объявленным опасным. Возможно, он не совершил доказанного преступления; достаточно того, что его присутствие названо угрозой. Ему не обязательно причиняют боль, его просто выводят из круга, внутри которого действуют защита, торговля, право ночлега и возможность быть услышанным. Формально он продолжает жить, но город уже обращается с ним как с тем, кого не должно быть среди своих.

До появления современного суда люди уже умели совершать три действия, без которых не существует ни одна община. Они выделяли пострадавшего и признавали его боль, называли того, кого считали виновным или опасным, и решали, остаётся ли этот человек внутри общего мира. Каждое из этих действий имеет необходимую сторону: без защиты жертвы сильный получает преимущество, без способности распознать угрозу невозможно обороняться, а без правил принадлежности распадается сотрудничество.

Опасность начинается там, где название заменяет проверку.

Слово «враг» может означать человека, который действительно напал и продолжает представлять непосредственную угрозу; оно может обозначать пленного, уже лишённого возможности причинить вред, соседа другой веры, политического противника или чужака, которому приписали намерения прежде, чем он что-либо сделал. После названия меняется обращение: то, что запрещено делать со своим, начинает казаться допустимым по отношению к чужому, потому что человек уже мысленно выведен из круга обычной защиты.

Это ещё не смертная казнь, и здесь важно не смешивать разные институты. Родовая месть, изгнание, военное убийство и судебное наказание имеют разные основания, историю и правовые режимы. Однако между ними существует общий человеческий шаг: прежде чем при-

менить предельную силу, общество меняет положение человека в своём воображении. Он перестаёт быть только человеком с именем, детством, страхом, семьёй и способностью меняться, а превращается в тип — убийцу, врага, изменника, нечистого, опасного.

Тип облегчает решение, потому что с ним не приходится удерживать противоречие. Если перед нами только «враг», не нужно помнить, что он может быть испуган, ранен, неправильно обвинён или уже обезврежен; если перед нами только «убийца», не нужно задаваться вопросом, что происходило до преступления и кем человек стал после него. Одно имя начинает объяснять всё, и именно поэтому оно так удобно в минуты общественного гнева.

Современный суд возник в том числе как попытка не отдавать жизнь человека первой реакции толпы, рода или правителя. Обвинение должно быть доказано, защита получает право говорить, решение принимает установленный орган, а мера ограничивается законом. Это огромное достижение, потому что оно заменяет мгновенное называние проверкой и не позволяет одному крику сразу превратиться в действие.

Но суд не отменяет силу предварительных имён. Ещё до начала заседания общество способно решить, что перед ним чудовище; медиа могут превратить подозреваемого в виновного, политический язык — в символ опасности, а повторение одного эпитета — в готовый приговор. Судья, присяжный и зритель приходят не из пустоты: каждый приносит слова, которыми дело было названо заранее, и даже при честном стремлении быть беспристрастным вынужден освобождаться от уже созданного образа.

Поэтому наказание начинается не только с действия и даже не только с решения. Оно начинается с имени, которое определяет, кого мы теперь видим перед собой и что, как нам кажется, с ним позволено делать. К этому вопросу мы вернёмся в главе о войне, где одно слово способно в течение нескольких минут изменить режим обращения с телом. Пока достаточно заметить, что прежде чем государство применяет предельную силу, оно должно не только принять решение, но и назвать человека так, чтобы решение стало мыслимым.

Следующий шаг — понять, почему одна и та же физическая операция считается убийством, если её совершает частное лицо, и исполнением закона, если за ней стоит государство. Ответ начинается с голоса власти, который однажды был голосом конкретного правителя, а затем превратился в систему документов.

Глава 5. Голос суверена

На столе лежат два документа. Первый написан от руки: чернила выцвели, буквы держатся неровно, а внизу стоит знак правителя, который когда-то был достаточным доказательством того, что несколько строк выражают волю высшей власти. Второй существует в электронной системе, имеет номер, дату, подпись, историю согласований и отметки, позволяющие установить, кто открыл его, кто проверил основание и кому он был передан дальше.

Документы разделяют столетия, однако соединяет их одна функция: после появления каждого из них кто-то получает право совершить с телом другого человека то, что без законного основания считалось бы преступлением.

Представим писца при дворце. Он переписывает решение правителя, стараясь сделать формулу ясной, чтобы её нельзя было понять двояко. Писец не выбирал осуждённого, не расследовал его поступок и, возможно, никогда не видел человека, чья жизнь зависит от нескольких строк. Снаружи ждёт гонец, затем будут стражники, место исполнения и тот, кто выполнит приказ, однако сейчас вся цепочка ещё уместается в движении пера по поверхности листа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.